

2. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению. М.: Юриспруденция, 2004.

3. Зубков В.А. Роль государства в развитии лесного комплекса России // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 118 – 126.

4. Грешневиков А.Н. Спасем русский лес. Хроника лесной политики Российской Федерации. Конец XX – начало XXI в. М.: Книжный мир, 2011.

УДК 94(47).083.4

М.С. Каменских
ПГПУ, г. Пермь

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ КОРЕЙЦЕВ, ВЫСЛАННЫХ В ПЕРМСКУЮ ГУБЕРНИЮ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ¹

В годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. Пермская губерния была одним из мест содержания депортированных народов, высланных с театра военных действий. В январе 1905 г. петербургский журнал «Нива» писал: «Когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий, корейцам и японцам было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не пожелали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России» [1].

В результате в течение почти полутора лет в провинциальном российском обществе (Пермской губернии) начала XX в. существовало несколько этнических групп: корейцы, китайцы и японцы, которые по причине войны были вынуждены искать способы адаптации в иноэтнокультурной среде. В фондах Государственного архива Пермского края содержится несколько томов ранее не публиковавшихся документов, позволяющих реконструировать особенности быта водворенных в Прикамье в указанный период: это и регулярно отправляемые в Департамент полиции МВД отчеты пермского губернатора, полицмейстера и уездных исправников губернии, прошения и письма самих «пленников». Отдельный интерес представляют составлявшиеся ежеквартально «Требовательные арестантские ведомости», куда заносились сведения о возрасте, поле, роде занятий водворенных [2]. Важную информацию для исследования содержат материалы провинциальной печати того времени, в частности, газета «Пермские губернские ведомости». В этом издании видна реакция российского общества на появление в своей среде инородцев.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации гранта РГНФ «Этническая миграция в Прикамье в советский и постсоветский периоды» № 2-11-59002 от 21.09.2011.

Наиболее интересным эпизодом, связанным с пребыванием водворенных на Урале, является массовое принятие пленными корейцами православия. Следует отметить, что исследователи данного периода не раз отмечали факты принятия корейцами, в отличие от китайцев и японцев, в начале XX в. православной веры [3]. Данная статья посвящена анализу этого процесса в Пермской губернии в годы Русско-японской войны.

В первые месяцы всем водворенным корейцам было трудно привыкнуть к новым условиям жизни. Об их реальном положении отчасти свидетельствуют те письма, которые они писали на имя губернатора. В своих обращениях корейцы часто ссылались на отсутствие работы и нехватку казенного пособия. Так, например, 10 сентября 1904 г. корейцы Иван Игури, Иутиро Боги, Ходан Чуне попросили переселить их из Соликамска в Пермь, так как «не способны к черным работам», а 6 октября к губернатору обратилась группа из 6 корейцев с просьбой предоставить им квартиру и повысить кормовые до 15 копеек в сутки. Кореец Чинь Юту Ча просил у губернатора займа 20 рублей на покупку товаров для открытия бакалейной лавки. Деньги обещал вернуть от полученной прибыли [4].

Находясь в сложной жизненной ситуации, некоторые корейцы выступили с инициативой изучения русского языка. Так, 8 октября 1904 г. корейцы Хан Де Зун и Чун Бу Чи обратились к губернатору с просьбой определить их в какую-либо народную школу г. Перми для изучения русского языка. 4 ноября 1904 г. директор уже спрашивал у губернатора разрешения допустить корейцев в качестве слушателей на вечерние классы при Кирилло-Мефодиевском училище. Губернатор дал согласие. К концу года некоторые корейцы, изучавшие русский язык, изъявили желание креститься. Разрешения на принятие корейцами православия пермский губернатор А. Наумов лично испрашивал у архиепископа Пермского и Соликамского Никонора. Ответ был получен утвердительный [5].

В январе 1905 г. первые 8 корейцев приняли православие. Об этом факте позже написали «Пермские губернские ведомости» [6]. Просвещением пленнх корейцев занимался духовник семинарии священник о. Константин (Шестаков). Вот как описывается его работа в «Пермских губернских ведомостях»: «Отец Константин обыкновенно приглашает корейцев в семинарию и здесь ежедневно занимается с ними с двух часов дня до пяти часов вечера, обучая их чтению и письму на русском языке и знакомя их с вероучением православной церкви. Занятия его, как мы видим, не остаются безрезультатными: многие корейцы оставляют свои языческие заблуждения и изъявляют желание вступить в православную церковь. С последними отец Константин ведет особые занятия, он преподает им краткую священную историю, знакомя их с основными догматами христианской религии и учит главнейшим молитвам. Все корейцы, видимо, интересуются этими занятиями и число их возрастает» [7].

Всего православие к середине 1905 г. приняли 20 корейцев и одна японка [7]. Обратить же в православие китайцев властям не удалось, во всяком случае, упоминаний об этом нет.

Мотивация для подобной подобного поведения со стороны корейцев может быть самой разной. С одной стороны, известно, что многие российские корейцы того времени принимали православие, чтоб получить русское подданство и земельные наделы [8]. С другой стороны, корейцы, крестившиеся в Перми, не были российскими, а некоторые и не относились к категории нуждавшихся. Вступление в православие можно объяснить также и кризисом идентичности корейцев в начале XX в., поскольку у них не было собственной государственности и они находились под сильным давлением Японии и Китая. Появление сильной Российской империи, способной конкурировать с Японией и Китаем, на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, в частности, наверняка создавало в среде корейцев представления об успешности и внутренней силе Российского государства [9]. Можно предположить, что, попадая вглубь страны, они были готовы приобщиться к привлекательной для них российской системе ценностей через вступление в православие [10]. Тем более, что Россия весьма лояльно относилась к корейскому населению в конце XIX в. В самой Корее при царском дворе даже существовала «прорусская» группировка во главе с ваном Коджоном. Этот ход был своеобразным шагом к поиску идентичности, способной составить альтернативу давлению Японии и Китая. Конечно, данная причина не является единственной, и, вступая в православие, корейцы пользовались разными мотивациями, но данный фактор также мог оказать свое влияние.

Библиографический список

1. Корейцы в русской школе // Нива. 1905. № 10. С. 191.
2. Свод законов Российской империи в ред. 1892 г. Спб.: Кодификац. отд. при Гос. совете, 1892. Т. XVI. Ч. II. Ст. 513, 514.
3. Нестерова Е. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 7.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 5. Д. 10 а. Л. 322.
5. ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 58.
6. Крещение корейцев // Пермские губернские ведомости. – 1905. – 20 января.
7. О крещении корейцев // Пермские губернские ведомости. – 1905. 25 марта. С. 2.
8. Пак Б.Д. Переселение корейцев в Россию / Г.Н. Ли, Б. Цой, В.С. Чен, М.А. Югай // Энциклопедия корейцев России. М.: РАЕН, 2003. С. 131.